

ИСПЫТАНИЕ ВРЕМЕНЕМ

В оркестр Ленинградской филармонии пришел новый дирижер.

Он сумел заслужить любовь оркестра. И не только любовь. Оркестр гордится им. А это очень много значит. Он пришел к ним юношей. Не больше, чем подающим большие надежды молодым музыкантом. Они же — «заслуженный коллектив республики», у них — европейское признание, за своим пультом видели они лучших дирижеров современности.

Он повел себя тактично и умно. Признание, которое он получил на Всесоюзном конкурсе, не вскружило ему головы, он не захлебнулся в обманчивом потоке самообольщения. Перед оркестром стоял человек, не только желавший учиться у него, о чем он откровенно сказал, но способный обогатить и оркестр. Новый дирижер имел что сказать. Этого нельзя было не заметить. И это придавало самостоятельность его действиям.

★

Утро... Косые светлые полосы лучей, падающие из верхних окон на машинную обивку кресел. Пустушный зал... На эстраде — оркестр, дирижер, скинувший пиджак... Рабочий момент. Репетиция.

Она идет «во весь голос». Мравинскому претит психическая, идущая от малокультурлы, уверенность, что репетицию можно вести на пониженном уровне, что там, на концерте, «вдохновение вылезет». Мравинский вырос в убеждении, что вдохновенное творчество требует работы, тщательной и кропотливой.

Однажды студенты пришли поздравлять Репина с юбилеем. Репин вышел и сурово ответил: «Чего поздравлять? Всю жизнь свою проработал, как вол». Великий русский художник хотел этим сказать, что настоящее искусство требует большого труда и большой любви.

Так понимает свою жизнь в искусстве и Мравинский.

Верный формуле «работать и учиться, учиться и работать», он последовательно осуществляет ее. Увы, художественной общественности нашей известны факты «головокружения от успехов»,

когда увенчанные лаврами молодые лауреаты считают свои цели достигнутыми.

Рабочие репетиции... У Мравинского тщательно продуманный план. Претворяя его в жизнь, Мравинский работает как подлинный художник. Дирижер ведет репетицию с неугасимым подъемом, с таким же подъемом, с каким он выступит потом на концерте. Требовательность его зажигает оркестр. Из взаимного понимания рождается вдохновение, без которого нет искусства.

И ничто, быть может, не заслуживает такого интереса, как отношения, установившиеся у одного из лучших оркестров Европы со своим молодым главным дирижером. Это не похоже, совсем не похоже на то, к чему привыкли музыканты за рубежом советской страны!

Там между дирижером и оркестром дистанция, которую они не смеют нарушить. Там дирижер — на пьедестале, он — артист, артист с большой буквы, они же — оркестранты — лишь покорный инструмент в его руках. Кто из них осмелится сделать ему, мастеру, замечание?

Но в «заслуженном коллективе республики» нет культа «артиста, которому все можно», культа, претящего всей своей сущностью советскому миропониманию. Так естественно, что к главному дирижеру Филармонии подходит кто-либо из оркестрантов и говорит: «Мне кажется ошибочным ваш темп...» И главный дирижер внимательно прислушивается к замечанию, проверяя на нем свою работу. Так естественно, что в «голубой гостиной» Филармонии недавно собрались оркестранты, чтобы обсудить творчество своего главного дирижера. Мравинский внимательно слушал выступления, делал

Главный дирижер Филармонии
Е. А. Мравинский

пометки в своей записной книжке, отвечал, спорил и с благодарностью запомнил все, что следовало запомнить.

Он получил признание на Всесоюзном конкурсе дирижеров. С тех пор последовательно в нем развиваются все те же качества, характеризующие его как художника. Культура, воля, темперамент. «Холодный ум и горячее сердце», — как сказал о нем один из старых оркестрантов.

С конкурсом пришел новый этап в жизни Мравинского. Дирижер обрел внутреннюю уверенность. Пришло спокойствие, спокойствие художника, получившего уве-

ренность в ценности своего труда. Отныне его внутренняя напряженность каждый раз обращена только на предмет работы. «Выйдет ли так, как хочу?»

Еще в пору победы на конкурсе дирижеров Мравинского как-то спросили:

— Исполнение какого произведения вы считаете для себя наиболее удачным?

— Этим произведением я еще не дирижировал, — ответил тогда Мравинский.

Слова эти означают непрестанный рост художника. Это значит, что он выдерживает испытание временем, все так же продолжает прежнюю работу над расширением репертуара, над лаконизмом жеста, над лепкой его выразительности... Кончается зимний сезон. Мравинский систематически отказывается от гастрольных поездок по СССР и, захватив с собой гору партитур, уезжает в деревню. Там он продолжает работу, готовясь к осени.

Наконец, он позволил себе после двух лет сосредоточенного изучения провести величественную 9-ю симфонию Бетховена. Два года вживался он в это замечательное произведение музыкальной культуры, которое он узнал и полюбил с первых дней своей сознательной жизни. Несколько раз исполнял он эту симфонию, но до

сих пор считает свою работу над ней еще не завершенной.

В свое время Мравинский «открыл» пятую симфонию Шостаковича. Он убежденно уверовал в значительность этого крупного советского художника нашего времени. «Исполняя Шостаковича, я испытываю эмоции, подобные тем, какие вызывают классики». Мравинскому в значительной степени обязаны мы успехом пятой симфонии. Он глубоко понял ее. С увлечением работал он и над шестой симфонией Шостаковича. Он чувствовал в драматизме ее первой части эхо пятой симфонии, в ее финале — сверканье, легкое и светлое, точно у Гайдна...

Попрежнему продолжает он работать с советскими композиторами — многие ли дирижеры могли это сказать о себе? — с Глухим, с Животовым. Так, благодаря ему мы впервые услышали «Романтическую поэму» Животова, которую через некоторое время доведется услышать и Москве.

Таковы дни Мравинского. А впереди — новые вершины, которые нужно брать...

★

...Люстры, окруженные точно жемчугом. Волны света и музыки. Переполненный зал, обрамленный колоннадой. Сосредоточенные лица, внимающие оркестру. Концерт подходит к концу. Зал в напряжении. Оркестр ведет художавый высокий человек, со скупым энергическим жестом, с орденом на груди. Все сильнее и сильнее нарастает финал симфонии. Финал говорит о человеке, пошедшем за своей решимостью. «Он закричал от радости. От радости кричит весь оркестр, от радости слияния своего с этой решимостью. Вы помните место, где кричат все струнные и все деревянные? Мне кажется, когда я дирижировал этим финалом, что я весь свет держу в лапах...»

Последнее грохотание — и тишина, сменившаяся бурей рукоплесканий...

Это — пятая симфония Дм. Шостаковича. Дирижер — Евгений Мравинский.

Д. СЛАВЕНТАНТОР